

Sci-Fi

Начались долгие зимние вечера, которые, если есть нужда (или возможность), можно скоротать с книгой в руках или за просмотром фильма. В декабрьском выпуске о своих любимых научно-фантастических книгах, фильмах и сериалах рассказывают **Евгения Ним, Борис Степанов и Екатерина Лапина-Кратасюк.**

Книги

Евгения Ним,
доцент департамента медиа

Фантастикой болею с детства и до сих пор. Мои родители были филологами, всю жизнь читали и собирали книги. И сами тоже их писали, только в другом жанре. Но как-то даже опубликовали небольшой рассказик в альманахе «Полдень, XXI век», редактором которого был Борис Стругацкий. Мое знакомство со многими яркими фантастами (Стругацкие, Ефремов, Кларк, Шекли, Саймак, Лем, Брэдбери) произошло, конечно, под родительским влиянием. Казалось, что необъятные книжные шкафы в нашей квартире вмещают целые вселенные. Мне нравилось там пропадать – и в школе, и в студенчестве, и в аспирантуре. Уже во «взрослой» жизни, перейдя на «цифру», я остаюсь поклонником Sci-Fi и нередко пополняю «фантастическую» папку в своей электронной книжке.

Трудно выделить одно любимое произведение. Для меня, пожалуй, особое значение имеет Борхес, его изумительный «Сад расходящихся тропок». Борхеса мне тоже, лет в шестнадцать, подкинули дома: отец был его большим почитателем. Это был сборник рассказов 1984 года издания из серии «Мастера современной прозы», глубокого синего цвета. Кроме «Сада» (в прекрасном переводе Бориса Дубина) меня там потрясли и другие вещи: «Вавилонская библиотека», «Письмена Бога», «Круги руин» и много что еще. Но вернемся к «Саду расходящихся тропок». Конечно, это не совсем фантастика, тем более научная. Это изысканная метафизика, спеленутая в мини-историю, как в тугой бутон. И вот из этого бутона по ходу детективного сюжета вдруг распускается модель мультивселенной, с ее ветвящимися во времени мирами. Меня это очень впечатлило тогда. Помните сам сюжет? Дело происходит во время Первой мировой. Немецкий агент Ю Цун (китайского происхождения) должен передать в берлинский штаб название места, где

расположилась британская артиллерия. Скрываясь от погони, он едет к английскому востоковеду Стивену Альберу. И узнает от него нечто важное о своем прадеде Цюй Пэне, когда-то уединившемся в саду, чтобы создать бесконечный роман и лабиринт. Его потомки сочли роман бессмыслицей, а лабиринта так и не нашли. И вот китаист Стивен Альбер объясняет Ю Цуну, что бессвязная книга его предка и есть тот самый лабиринт, символический «сад расходящихся тропок». Ее герой на сюжетных развилках выбирает не одну, а все возможности одновременно. И тем самым творит различные будущие времена, которые, в свою очередь, множатся и ветвятся. Иначе говоря, с ним случается все, что может случиться, реализуются все варианты. Ю Цун проникается этим откровением. И убивает китаиста, потому что его имя – Альбер – совпадает с названием города, где базируется противник. Пресса сообщает о странном убийстве востоковеда, и так немецкое начальство Ю Цуна понимает, в каком месте нужно бомбить. Ю Цун пойман и в ожидании смерти диктует заявление, частью которого является эта история. Конец печальный, но ведь это не конец, а лишь одна из тропок бесконечного мирового сада.

Сама эта идея множественности, многомерности, полискенарности мира, включая мир социальный, была воспринята мной благодаря Борхесу (но не только). Много позже я буду слышать, что его (и Цюй Пэна) «Сад» – это гипертекст, а сам Борхес – предтеча постмодернизма. Как исследователь медиа, я замечаю эксперименты с гипертекстом в видеоиграх типа *Life is Strange* или интерактивном фильме *Bandersnatch* из сериала «Черное зеркало». Очевидно, что нелинейный сторителлинг в мультимедиа развивает потенциал возникшей прежде сетевой литературы. И это технологическая реализация концепции «сада расходящихся тропок». Но цифровые технологии – это все же случай, когда «лабиринт материаловен». Идя по следу Борхеса, я также пытаюсь приблизиться к вещам невидимым и абстрактным, таким как многомировая интерпретация квантовой механики Хью Эверетта или теория суперструн. Поскольку я гуманитарий и «у меня

лапки», воспринимать идеи астрофизики могу только в версии для «чайников». Но некоторые ученые в этом гениальны. В 2015 году у Стивена Хокинга спросили, каков космологический эффект ухода Зейна Малика из популярного бой-бэнда One Direction. Тогда это событие разбило сердца миллионов юных фанатов Зейна. И Хокинг посоветовал им изучать теоретическую физику, ведь однажды там может появиться доказательство существования параллельных вселенных. В одной из них Зейн все еще в составе One Direction, и, возможно, даже в счастливом браке со своей поклонницей.

Конечно, мне и в юности было понятно, что идея мультиверса придумана не Борхесом, она есть во многих философских и религиозных текстах. Ее нередко используют писатели-фантасты, так или иначе. Но то «незримое бесплотное роение» других миров мной ощущалось именно во время чтения «Сада». Короткая история – и мощная по силе и красоте метафора. Когда случается, что мне задают вопрос о вере в Бога, это приводит меня в замешательство. Довольно сложно объяснить свое миропонимание, когда от тебя ждут принадлежности к определенной конфессии. Но я, пожалуй, верю в «сад расходящихся тропок». И не так уж важно, найдут ли его современные физики.

Кому рекомендую Борхеса? Всем ловцам ускользающих смыслов, уставшим от «длинного формата». Но к таким Борхес и сам придет по одной из тропинок своего сада.

Борис Степанов, доцент школы культурологии факультета гуманитарных наук, заместитель директора ИГИТИ

Что касается фантастики литературной, то более или менее полноценное знакомство с ней произошло в университетские годы, в начале 90-х годов, когда фантастика наряду с другими популярными жанрами начала активно заполнять книжный рынок. Особенный бум переживало фэнтези, некоторые мои друзья ударились в коллекционирование книг издательства «Северо-запад», которое наряду с Толкином опубликовало тексты Андре Нортон, Пола Андерсона, Роджера Желязны, Урсулы Ле Гуин и других классиков этого направления. Однако для меня настоящим открытием стала не эта популярная фантастика, а фантастические эксперименты в интеллектуальной литературе. Кажется, на 3-м курсе мой однокурсник по философскому факультету Сергей Скоков подарил мне книгу рассказов писателя Сигизмунда Кржижановского, имя которого тогда мало кому что-то говорило. Эти рассказы не были похожи на традиционные тексты фантастического жанра. Они относились к традиции высокого модернизма, для которой, как впоследствии напишет Борис Дубин, «фантастическое становится правилом, а не исключением». Кржижановский принадлежал к тому поколению высокоэрудированных и европейски образованных российских интеллектуалов, кто был вынужден в советское время уйти в архивную, библиографическую и комментаторскую работу. Его рассказы часто напоминают разыгранные в лицах философские эссе, о чем можно судить по некоторым названиям («Якоби и якобы», «Спиноза и паук», «Тринадцатая категория рассудка»). При знакомстве с ними сразу же бросался в глаза высочайший уровень книжной культуры, позволяю-

щий сравнить его с Борхесом и другими представителями модернистской литературы. Внимание к тексту, к языковой стихии мышления проявлялось не только во множестве цитат, но и в самой стилистике этих рассказов. Их язык, очень плотный и не позволявший взгляду пробегать по строчкам, в полной мере соответствовал известному высказыванию Виктора Шкловского о том, что дорога словесного искусства – «кривая дорога, дорога, на которой нога чувствует камни, дорога, возвращающаяся назад». Этот язык производил своего рода остранение городской повседневности, из которой преимущественно возникали сюжеты рассказов Кржижановского. Городской контекст этих сюжетов еще более выпукло виден сегодня, когда наш взгляд уже вооружен оптикой работ Вальтера Беньямина и других исследователей культуры современного города. Описывая вещество, расширяющее пространство жилищ («Квадратурин»), изобретение способа преобразовывать человеческую злобу в электрическую энергию («Желтый уголь»), обнаруживая за городом фабрику производства снов («Боковая ветка»), рисуя фигуры охотников за страхами («Чудак») и одиночествами («Швы»), автор изучает «щели» и «швы» бытия современного человека, обнаруживая зыбкость повседневного порядка, подвижность границ между явью и фантазмами, живым и мертвым, показывает, как метафоры могут оживать, а вещи – давать сдачи («Бумага теряет терпение», «Фантом»). По моим ощущениям, сегодня, когда горизонты и измерения фантастического существенно расширились, опыты Сигизмунда Кржижановского тем не менее нисколько не устаревают.

Екатерина Лапина-Кратасюк, доцент департамента медиа

Выбор очень сложен. По первому образованию я – «филолюбящая лого-словесность», а значит, отношусь к сообществу тех, кто неуютно чувствует себя, когда в качестве ответа приходится выбирать одну книгу: в зависимости от вопроса размеры ответа варьируются от полки до книжного шкафа.

Тем не менее выбор сделан: это роман «Алгебраист» Иэна М. Бэнкса, вышедший в 2004 году и переведенный на русский язык в 2011-м. Прочитала я его относительно недавно по совету мужа, который разбирается в научной фантастике (и большом количестве других актуальных жанров) гораздо лучше меня.

Всю свою сознательную жизнь я тайно увлекалась образами и загадками космоса, но мне пришлось ждать начала новой международной космической гонки, Space X и «Сокола Тяжелого», «Интерстеллара» и Кипа Торна, чтобы перевести детские мечты в формат академического исследования, пусть и посвященного не астрофизике, а популяризации научных достижений в области изучения космоса. Именно тогда мой муж, чтобы помочь расширить кругозор, купил мне «Алгебраиста» на английском (потому что очень сложно избавиться от усвоенного в детстве и юности заблуждения, что чтение «развлекательной» литературы в целом бесполезно и нужно это занятие как-то оправдывать, например изучением языков).

У «Алгебраиста» четыре начала, и, если, пробираясь сквозь них, вы справились с тем, чтобы разместить в голове все

вопросы, на которые нужно будет искать ответы в книге, вы будете со все возрастающим раздражением воспринимать необходимость оторваться от повествования ради повседневных дел. И это несмотря на то, что, например, главы про систему Юлюбис и газовый гигант Наскерон мне не удалось пройти без словаря: больше незнакомых слов могло быть только в тексте, написанном по-мандалориански. В какой-то момент я сдалась и параллельно читала перевод Г. Крылова (очень, кстати, хороший).

Никакого отношения к науке – даже популярной – «Алгебраист», конечно, не имеет. Это вдохновенное, ироничное и совсем не сентиментальное путешествие за пределы ограничений, накладываемых на человека его природой и историей. И в то же время – почти антиутопия, где слишком узнаваемые политические проблемы приводят к космической мясорубке, учиненной туповатым тираном с раздутым самомнением.

Ряд сюжетных линий и элементов устройства вселенной «Алгебраиста» напоминает о большом цикле романов Иэна М. Бэнкса, посвященном галактической цивилизации The Culture. Тем не менее «Алгебраист» не входит в этот цикл, хотя чтение романа часто напоминает припоминание: острополюемические темы, важные для Иэна Бэнкса (именно так он подписывал свои НЕ фантастические произведения), причудливо трансформируются в «Алгебраисте» в каскад безумных образов; традиции британского юмора и шотландского фатализма разворачиваются в языке, описывающем планетарную механику и устройство цивилизации «медленных» существ.

Самое прекрасное в «Алгебраисте» – это именно они, The Dwellers, насельники – древнейшая цивилизация гигантских существ-долгожителей, обитающих в облаках газовых гигантов. Тела насельников представляют собой два смыкающихся диска, а гардероб состоит из разнообразных воротничков; у них нет официальных институтов – только клубы; по каждому поводу они пускаются в дискуссии, но ни к чему не относятся серьезно; они – преданные друзья, но используют собственных детей как рабов и периодически на них охотятся. У них прекрасные библиотеки, в которых ничего невозможно найти, для них не существует расписаний и обещаний, но именно они спасают систему Юлюбис от военного вторжения: первая же попытка угрозы их расслабленному креативному существованию пресекается мгновенным, тотальным по своей разрушительности для армии противника ответом.

В «Алгебраисте» много тем, достойных внимания: проблема реализовавшейся утопии, скатывающейся в дистопию; веры в технологии и страха перед AI; свободы, реальной и мнимой; бессмысленной тупости тотального смирения и обманчивости деятельного энтузиазма; стремления к чувствам и бесчувственности; планетарной клаустрофобии и космической агорафобии.

Для меня же самым интересным в этой книге была ее «невизуализируемость». Роман Иэна М. Бэнкса – это не будущий сценарий, хотя опытные сценаристы говорят, и я им верю, что нет книг, которые нельзя воплотить на экране.

Справедливости ради нужно упомянуть, что Amazon Studios приобрела права на экранизацию первого романа из цикла Иэна М. Бэнкса о Культуре – «Вспомни о Флебе» (об этом написал сам Джефф Безос, подчеркнув, что он лично очень любит этот цикл). Безусловно, Amazon Studios после сериалов «Карнивал Роу» и «Пацаны» доказала свое мастерство в создании экранных миров и получила кредит доверия. И все же «Вспомни о Флебе» – это не «Алгебраист», проблемы с экранизацией последнего – не технического или художественного характера.

«Алгебраист» переполнен головокружительными образами, но приобщиться к ним можно только через слово. Я не могу представить, как выглядят насельники, и вообразить проекты их особняков или как именно портал от межгалактического тоннеля загружается на космический корабль. На самом деле, конечно, в эпоху цифровых технологий можно придумать, как показать это в фильме или сериале, но визуальный образ будет лишь одной проекцией многообразных образов, созданных И. М. Бэнксом. «Алгебраист» – это метакинематографическая книга, она деконструирует привычные визуальные образы, находя «червоточины», позволяющие выйти за их пределы.

Это свойство текста И. М. Бэнкса удивительным образом напоминает то, как расширяются знания о космосе. Космос обволакивает нашу планету, мы можем вглядываться в него каждую ночь – и одновременно совершенно не в состоянии вообразить себе многие его объекты. Для того чтобы расширить наши знания о недостижимом, мы ощупываем его с разных сторон. Обрабатываем разными способами, накладываем друг на друга и выстраиваем в инсталляции изображения, полученные с помощью космических аппаратов; регистрируем то, что может быть следом того, что нельзя запечатлеть (и получаем «фотографию» черной дыры). В то же время самый простой и наглядный способ охватить хронопот нечеловеческих масштабов – это записать математическую формулу (например, об этом рассказал в своей книге «Все формулы мира» астрофизик-популяризатор С. Попов). Формула не выглядит так же красочно и завораживающе, как обработанные снимки, сделанные телескопом им. Хаббла, но интеллектуальная емкость ее намного больше.

Так же и автор «Алгебраиста» перепоручает словесным формулам то, что нельзя вообразить даже в мире, где визуальные образы заполнили все уголки сознания и подсознания, ведь самые масштабные и дорогие фильмы о космосе всегда немного разочаровывают: им не удается передать удовольствие от сравнения ограничений человеческой физиологии и тех расстояний, на которые может переместиться человеческая мысль.

«Алгебраист» называют космооперой, но это не совсем так. В романе нет эпического глубокомыслия: духовных метафизических рыцарей и монахов, прекрасных гуманоидоэльфик и зачарованных астрокоролевств. На самом деле, и с определениями Добра и Зла, а следовательно, протагонистов и антагонистов все довольно сложно.

«Алгебраист» наполнен научно-фантастическими образами: газовые гиганты и их луны, космолеты и бомбы с антивеществом.

ществом, повседневная пластическая хирургия и развитый искусственный интеллект – но это не рефлексия по поводу современных научно-технических идей, а лишь декорации или материал для языковых конструкций более высокого уровня. Поэтому и научно-фантастическим роман «Алгебраист» назвать нельзя. Прочитать его я бы порекомендовала тем, кто любит не только последовательно двигаться вдоль повествовательных линий, но и нырять в «кроличьи норы» текста и кто не расстроится, если в конце толстого романа не все загадки будут растолкованы.

Например, оказавшись в этом эпизоде книги на месте главного героя, не разочаруется, а, наоборот, получит удовольствие: «Изображение облачного неба на открытке и вправду скрывало данные. Они находились там все время. Ответ, если это в самом деле был ответ, был у него с самого начала.

Он был похож на инопланетную алгебру.

Фассин попытался понять его.

В данных не было никакого смысла.

Они могли значить что угодно».

Кино и сериалы

Евгения Ним

Про фантастические фильмы и сериалы отвечу кратко. Люблю фантастику про космос и искусственный интеллект. Эти фильмы, как говорится, слишком известны, чтобы их называть. Тут важно другое, что любовь к космической фантастике объединила нас с моей коллегой Екатериной Лапиной-Кратасюк и сподвигла на разработку курса «Космос в медиакультуре». Это курс по выбору, который мы читаем своим студентам-журналистам. Увлечение кинофантастикой повлияло и на мои научные интересы. Это влияние не всегда прямое, скорее ассоциативное. Например, мне нравится аниме «Твое имя» (2016) Макото Синкая, а там сюжет связан с падением кометы на вымышленный городок Итомори. Игры со временем и многовариантностью тоже есть. И вот мне приходится в голову исследовать «импактный дискурс» в кино и новостях, то есть посмотреть, как в них конструируется столкновение нашей планеты с малыми небесными телами. Я задаюсь вопросами, когда и почему астероиды обрели статус потенциальных «убийц» человечества и какие технологии защиты (планетарной обороны) представляются как эффективные. Для этих целей пересматриваю целый ряд фантастических фильмов, включая «Метеор» (1979), «Армагеддон» (1998) и «Столкновение с бездной» (1998), а также перечитываю романы Артура Кларка, где фигурирует «Космический патруль». Еще и подзабытую школьную астрономию приходится подтягивать. В общем, это просто пример того, как увлечение фантастикой может отчасти интегрироваться в профессию и мотивировать на выход за пределы гуманитарного поля.

Борис Степанов

Интересоваться фантастикой (преимущественно кинематографической) я начал довольно поздно. В моем позднесоветском детстве фантастическая литература была не слишком доступна, а друзей, которые бы увлекались ею, у меня не было. Так же было и с кинематографом, где некоторые известные советские фильмы, такие, например, как «Москва – Кассиопея» и «Отроки во Вселенной», вообще прошли мимо, поскольку были лишены ореола привлекательности. В то время мне было ближе западное остросюжетное кино или наши подростковые истерны вроде «Неуловимых мстителей». Мне, правда, повезло: оказавшись в 1982 году с родителями в Болгарии, я посмотрел одну из серий «Звездных войн» – «Империя наносит ответный удар». Это, конечно, было сильным впечатлением и поводом для гордости перед ровесниками. Однако в общем мой «фантастический киноопыт», вполне типичный для середины 80-х годов, был связан преимущественно с телевизионными фильмами, такими как «Гостья из будущего», уже в момент своего появления породившая целое фан-движение, или «Приключения Электроника», а также с прорывавшейся на советский экран западной кинопродукцией вроде американских фильмов «Вожди Атлантиды», «Враг мой», «Короткое замыкание» или французского мультфильма «Властины времени». И только в эпоху видеосалонов и проникновения Голливуда на советские экраны я открыл для себя такие хиты фантастики 80-х, как «Терминатор» и «Назад в будущее», и уже гораздо позже классику жанра – «Космическую Одиссею», «Бегущего по лезвию», который я бы, пожалуй, особенно выделил среди прочих образцов кинофантастики. Вообще интерес к кинофантастике для меня в значительной мере связан с моими занятиями исследованием современной культуры. Поворотным моментом в этом смысле стал проект по изучению фантастического кино, который был инициирован Натальей Самутиной и стал, по сути, одним из первых российских опытов систематического исследования популярных киножанров. Фантастика в этом смысле особенно интересна как форма социального воображения, более других жанров тяготеющая к экспериментальности. И сегодня мы, конечно, переживаем очередную всплеск интереса к этому жанру, в том числе и в сериальном формате. Достаточно вспомнить «Черное зеркало» или «Любовь, смерть и роботы», критически осмысляющие различные формы массовой культуры, или исследующий границы человеческого «Мир Дикого Запада». Но одновременно фантастика – это излюбленный материал для культового зрителя, для фанатов и синефилов. И наше сегодняшнее восприятие, к примеру, малоизвестной советской и восточноевропейской кинофантастики, конечно, сочетает в себе интерес к инаковости социального воображения и к специфической материальности воображаемого мира, которую доносит кинематографическая ткань этих фильмов. И неслучайно эти модели культового восприятия вшиты в такие популярные произведения, как «Очень странные дела» или «Бегущий по лезвию 2049».

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев.

Материалы подготовлены при участии Владимира Селивёрстова.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677. Дата выпуска: 12.12.2019.

Подписаться на рассылку можно здесь: <http://okna.hse.ru/subscribe>